

Есть что вспомнить

«Эх ты, мама, моя мама».
Николай Старшинов.

**У КОГО КАК, А У МЕНЯ ПРИ СЛОВЕ «МАТЬ» В ПАМЯТИ
ВСПЛЫВАЮТ САМЫЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ КАРТИНЫ. ОСОБЕННО ИЗ
ОБЛАСТИ ДЕТСТВА... ГОЛОДНОГО ДЕТСТВА...**

Войну мы с матерью пережили в деревне Липовица бывшего Биряковского района (ныне Сокольского). Все-таки рядом грибные и ягодные леса и болота, рыбная река — уж они в самое бескормное время что-нибудь подкинут истощенным и отчаявшимся людям. А самое главное — еще хватало силешек содержать корову, хотя это было ой как непросто! Основная тяжесть по сенокосу и уходу за животиной лежала, конечно, на бабушке Екатерине Вячеславовне (Царство ей небесное!) — неутомимой в работе и негибавшей в беде. На войне муж и два старших сына, на горбу еще двое малолеток, да и мы с матерью свалились ей на голову — невелики помощники: но она, моя незабвенная, умела как-то всех обрядить, накормить, обшить да и к работенке посильной приспособить. И все-таки не миновали общей доли: ели и картофельную кукурузу, и клеверные маковки и пестики с ранних весенних полей... А в самое беспросветное время — и мох болотный. Принесет Катерина Вячеславовна с болота самого нежного белого мха, что плавал в глухих, чистых и нехоженых зыбунах, высушит хорошенько, а потом в ручных жерновах перемелет. Сами-то проволочные стебли-нити выкинет, а мягкую размоленную ость перемешает с драгоценной картофельной мукой и напечет оладий. То-то вкуснатища!..

Меня берегли, я был самый маленький. Что-то придумывали и другое на завтрак и ужин; а вот дядю моего Александра Александровича, который всего на три года был постарше меня, этим угощением потчевали наравне со всеми. Видимо, (да не «видимо», а — точно!) и ушел он из этого прекрасного мира в тридцать пять лет от роду с ободраным пищевым трактом этой самой остью болотного мха. Жестокая болезнь рака нагнала его в самом расцвете сил. Можно представить, какой след оставила эта самая «ость», проходя по нежному детскому горлышку, пищеводу и кишечнику...

А в то далекое время моя мама учила своего брата Сашу в начальных классах. Школа располагалась в обычной крестьянской избе, в доме была просторная печь, на которой я и просиживал все уроки, наблюдая сверху, как прилежные ученики выводят на черной доске куском известки палочки и закорючки. С одной стороны печи хозяйка у шестка гремит ухватом и чугунами, а с другой — моя мама вместе с классом хором растапливает: «Ма-ша мы-ла раму». И так хорошо представлял я себе эту самую Машу с тощей косичкой, подтянувшись на цыпочки, чтоб достать до этой самой рамы, — что у меня открывался рот и болели скулы: хотелось помочь Маше вымыть раму, потому что мама очень хорошо относилась к Маше и тоже хотела помочь.

Первые уроки родной речи... Их преподавала мне не только мама, но и бабушка — мать шестерых детей, а если вспомнить обо мне, то — семерых, потому что в моем воспитании и становлении как литератора она сыграла, наверное, главную роль. А относи-

лась, по моему, даже заботливей, чем к собственным детям. «Вы, ребята, ведь уже большие, — говорила она своим сыновьям, — а он малолеток, его берегчи надо», — и мне перепадал самый лакомый кусок пирога-налитишки. Нежные отношения между нами сложились раз и навсегда, — до самой ее кончины. Уже в зрелом возрасте, будучи в армии, я с особым волнением читал и перечитывал ее письма, в которых она всякий раз посылала мне частушки — по договоренности. Потом, позднее, я напишу о ней много и стихов, и прозы, и даже в пьесе вставлю... А вот начало тогдашнего армейского стихотворения:

«С утра сегодня праздник у
меня.

Расслышал я задолго до
зарядки:

В кармане наступающего
дня

Хрустит конверт с
каракульками бабки.

Она опять, горя, начала
С того, что не везет моей

«Мы только что сейчас
из-за стола.

А хоть тебя-то нынче
похормили!

А ты служи. Не залезай в
долги,

Не пей вина, о девках не
печалься,

Не своеволь, а слушайся
начальства

И пуще глаза ноги береги».

Бабушка рассказывала, что наша с ней любовь началась до войны. Мать послали в Москву на подготовительные педагогические курсы, отец воевал на Финской, а мы с ней согласно коротали время ожидания в деревне. И вот приезжает моя мама из столицы, влетает в избу, а я сижу у бабушки на коленях, шарю за пазухой и мушляю губами ее пустую грудь — молочка-то хочется. Мать бросается ко мне, но я отстраняю ее: «Уходи, тетя!» — и снова к бабушкиной груди. Было тут и слез, и смеха.

С Финской отец угодил сразу на Отечественную, отвоевал две войны без передышки. Ушел на службу в тридцать девятым, когда я еще сидел у матери на руках, вернулся только через восемь лет, в сорок седьмом, когда я уже самостоятельно шастал по лесам, ловил в силки рябчиков и куропадок, ходил подпаском к овечьему стаду, помогал израненному деду заготавливать в лесу дрова. Это ведь городские дети чуть ли не до двадцати годов — дети, а в деревне, в голоде да холоде, ребяташки взрослеют быстро. Да им и старшие не позволяют долго задерживаться в росте... А мой дед не читал ни Макаренку, ни Песталоцци, но понимал, что если с детства не приучить ребенка к труду, то он всю жизнь может прожить оболтусом. Поэтому смастерил для меня маленькую коску — как раз под мой «великанский» рост и «бога-

Коротаев В. Есть что вспомнить :

[воспоминания о детстве] / В. Коротаев //

Русский огонек. — 1994. — 24–30 июня. — С. 3.

тырский» размах — и неизменно каждое погожее сенокосное утро вывозил на ондреще далеко-далеко, за Щитрову-реку, километров, этак за двенадцать.

Время было гнусное. Крестьянам не давали косить на себя вблизи деревни. Хочешь содержать скотину (а без нее нормальному селянину просто не прожить) — вот и ловчи, как можешь. Хорошо, что дед был природным охотником, обшаривал все окрестные леса и выглядел для себя неплохие уголья, куда не каждый надзиратель решится шагнуть: то ли сам потонешь в болотине, то ли мужики помогут...

Лошади своей давно не было, ее забрали, когда деда — крепкого и мастеровитого середняка — раскулачили. Трижды в тюрьму сажали, хоть и ненадолго, ничего доказать не могли и — неохотно, — однако, выпустили. В колхоз он после вот этих воспитательных мер принципиально не вступил. А сено вывозить надо... Тогда смастерил он для коровы Розки удобную мягкую упряжь — и она потянула свой непомерный воз: и молоком снабжала, и маслом, и творогом; и навозом всю усадьбу обеспечивала; да еще дрова из лесу вывозила и сама себе сено из за трех болот выволакивала.

Уж как бабушка, бывало, наглаживала ее да уговаривала: «Ты не пообидься, Розушка, не сами мы эту жисть проклятую придумали. Все вороги да супостаты изгаляются над нами. Потерпи, милая, потерпи, а я тебе поилцица посылнее да погуще излажу».

И корова глубоко вздыхала, кося на Катерину Вячеславовну понятливым глаз — и снова отпускала полное ведро теплого и пенистого густого молока. С этой коровой Розкой в самые удушливые годы все-таки пришлось расстаться: не хватало сил прокормить и обиходить. И повели мы ее с бабушкой из деревни Липовицы в Вологду на бойню, за сто с лишним километров. Розка смотрела на нас преданно и печально, все понимала и не сопротивлялась. На привалах шумно вздыхала, неохотно жевала траву и на глазах теряла вес. Бабушка в дороге часто и горько плакала, оглаживая свою кормилицу, смотрела понимающе на меня, тоже рассоплившего, и приговаривала: «Ты-то хоть, Витюха, у меня не реви, а то ослабнешь и не дойдешь до городу».

Слава Богу, Розку у нас купила по дороге одна знакомая сердобольная крестьянка, словно угадав глубину наших переживаний, и мы, счастливые от того, что не погубили горемычную животинку, расцеловавшись с ней, отправились восвояси обратно домой.

Отец, отвоевав на Финской и Отечественной, возвращался в сорок седьмом году в Вологду, и мы с мамой поспешили в северную столицу тоже. Перед этим получили письмо от бабушки Анны Ивановны, отцовой матери, чтоб немедленно приезжали, только со скарбом остановились у кого-нибудь из знакомых и сразу же явились к ней для

переговоров — пока только я да Катерина Вячеславовна.

Вся «закавыка» заключалась в том, что отец явился с фронтов не один, а с молодой белокурой женой Ниной, с которой «стакнулся» где-то в далеком и неведомом мне городе Рязске.

Анна Ивановна все мудро просчитала, бабушку до времени отправила обратно в сад, а меня для встречи отца оставила у себя; он должен был появиться со стороны вокзала с минуты на минуту.

Помню, как я переживал, стоя на крыльце с бабой Анной. И вот, наконец, появляются они. Он несет большой фибровый чемодан на правом плече, а с другого боку семечит молоденькая и аккуратная Нина... Вроде бы как и — и махача. Но до того она была хороша и ясноглаза, что я не испытал к ней никакой неприязни. Однако все-таки благо-разумно смотался в бабушкину комнату и забрался под легоньский — на высоких ножках — диванчик. Оттуда меня благополучно выволокли, и предстал я пред очи родителя. Он оглядел меня с любопытством и спрашивает у своей матери: «А это кто?»

Обижаться грех: восемь лет крови, две стыковых атаки, не одна контузия... Добро, хоть мать родную узнал...

Меня как живое напоминание о прошлом положили на тот же диванчик в дедовой комнате, где постелили и молодым. Ночью я проснулся от требовательного отцовского голоса, который приказывал молодой жене подать рубашку, потом гимнастерку, потом галифе. Он бродил около меня, останавливался, разглядывал (я, разумеется, притворялся спящим) и все вопрошал у плачущей Нины: «Ты можешь понять, что это, оказывается, мой сын?»

Тяжелая была ночь. Никто в нашу комнату не заходил, в разговор не вмешивался. Мудрые прежде были старики...

А наутро Нина взялась за стирку: ей хотелось всем понравиться. Полоскать белье на реку Вологду повел ее я. Она снова там намыливала белье и тщательно его прополаскивала. И как-то невзначай с безымянного пальца правой руки у нее соскользнуло колечко. Она ойкнула — и замерла. А потом обреченно сказала: «Значит, судьба». Горе ее было настолько велико и неподдельно, что я тут же скинул с себя одежду и начал нырять с бревенчатых бонов и шарить по илистому дну. Но — безуспешно. Видимо, против судьбы и впрямь не погрешь. Исчезла Нина с горизонта так же неожиданно, как и появилась. Уехала обратно в Рязск.

А потом в доме отцовых родителей появилась моя мама. Не это уже другой рассказ. И будет ли он интересен читателю, пока не знаю...

Виктор КОРОТАЕВ.